

АНТИЧНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

В. С. ДИЕВ

Новосибирский государственный университет

Институт философии и права СО РАН

diev@smile.nsu.ru

Г. В. СОРИНА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

gsorina@mail.ru

И. Н. ГРИФЦОВА

Московский педагогический государственный университет

grif811@yandex.ru

VLADIMIR DIEV

Novosibirsk State University

Institute of Philosophy and Law SB RAS

GALINA SORINA

Lomonosov Moscow State University

IRINA GRIFTSOVA

Moscow Pedagogical State University

ANCIENT INTELLECTUAL PRACTICES AS FORERUNNERS TO THE MODERN THEORY OF DECISION-MAKING

ABSTRACT. This article analyses ancient texts to show that ancient philosophical thought was not only considering the practical variants relating to decision-making but it was also constructing a theory of decision-making. The authors propose a reconstruction of the elements of such a theory from a perspective that interprets decision-making as a kind of intellectual activity, which makes it possible to solve a problem without a developed conceptual framework for the decision-making theory (as is the case with Plato's dialogues *Gorgias*, *Theaetetus*, and *The Republic*). It is suggested that the question-answer procedures used by Socrates can be interpreted as a kind of intellectual activity aimed at decision-making. At the same time, an analysis of Aristotle's texts shows that he discussed decision-making as a special problem on a theoretical level. In the *Nicomachean Ethics*, Aristotle uses the notion of decision-making explicitly and considers it in the context of such notions as voluntary acts and conscious choice. It is shown that today, as in Antiquity, one can come across different ideas about what decision-making is.

KEYWORDS: Socrates, Plato, *Gorgias*, *Theaetetus*, Aristotle, decision, conscious choice, intellectual activity, conceptualisation, question, answer, communication.

В своей повседневной и научной деятельности человек постоянно решает разнообразные задачи, формулирует определенные цели, ищет способы их достижения. Все эти проблемы включены в определенные контексты социальных отношений. При этом определение целей и задач ведется в рамках конкретных социальных пространств при помощи таких инструментов интеллектуальной деятельности, как концептуализация и вопросно-ответная процедура, которые, если обратиться к истокам, напоминает нам знаменитый сократический метод («маевтику»). Очень часто «поиск ответа разворачивается ...как своего рода мысленное экспериментирование с образом ситуации и его (нередко персонифицированными) элементами» (Величковский, Капица 1987, 127). В то же время если образ ситуации индивидуализирован и изменчив, то природа вопроса и его структурные характеристики не меняются в зависимости от пространства и времени принятия решений.¹

К примеру, по схеме правильно выстроенной *интеллектуальной деятельности* формулируются те решения, к которым приводит Сократ своих собеседников. Неважно, в рамках какого конкретного предмета ведет обсуждение Сократ. Во всех случаях форма организации поиска принимаемого решения одна и та же: формулировка вопроса, поиск ответов, поиск концептуализации обсуждаемой проблемы, рассуждение по аналогии и т. д.

Уже в античности, благодаря усилиям Сократа, стало ясно, что процесс поиска ответов на поставленные вопросы ведет к определенному решению, что «структура вопроса предполагается всяким опытом» (Гадамер 1988, 426). То же самое относится и к вопросам, связанным с процедурами концептуа-

---

¹ Принятие решения – это прежде всего интеллектуальная деятельность (Сорина 2009). Проблемы принятия решений изучаются математикой, психологией, экономикой, теорией управления, социологией и другими конкретными науками. С теорией принятия решений в качестве ставшей дисциплины мы знакомимся лишь в XX веке. Об истории становления подробнее см. Диев 2001. Именно в прошлом веке проблемы принятия решений стали сферой изучения целого ряда наук, в сороковые годы, с работ Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна берет свое начало теория принятия решений как самостоятельное научное направление. Эти авторы заложили основы теории игр и создали теорию полезности, предложив тем самым первые формализованные модели действий человека в процессе принятия решений. Заслуживают также упоминания имена нобелевских лауреатов Г. Саймона и Дж. Бьюкенена, которые внесли значительный вклад в развитие теории принятия решений. Нобелевская премия по экономике за 2002 год была присуждена Д. Канеману – за исследования в области психологии принятия решений. Сегодня можно уже говорить о некотором достаточно общем концептуальном аппарате, развиваемом вокруг таких понятий, как «решение», «процесс принятия решений», «модель принятия решений».

лизации. Без последовательно проведенной концептуализации, без решения вопроса о том, какие объекты мы будем обозначать при помощи тех или иных слов/понятий, невозможно принимать решения.

Нам представляется, что именно Сократ первым показал значение того, что впоследствии было названо «навигационной функцией вопроса», именно он продемонстрировал тот факт, что сам вопрос как бы ведет за собой собеседников. Если применить к этим примерам современную образовательную технологию, современный язык образовательного процесса, то можно позволить себе сказать, что диалоги Платона наполнены различными вариантами case-studies. Именно на практических примерах Сократ фактически и предлагает определенную методику работы с вопросом в рамках коммуникативного процесса.

Сократ явным образом формулирует перед своими слушателями задачу последовательно чередовать вопросы и ответы, отказаться от долгих речей, кратко формулировать ответы. Кроме того, сократовская стратегия вопрошания, явным образом сформулированная им в «Горгии», предполагает, что спрашивающий может, а иногда и должен, как считает Сократ, задавать вопросы о том, что внешне кажется совершенно ясным. Сократ объяснял, что такая методика не направлена «на невыгоду» собеседника. Ее задача заключается в том, чтобы собеседники не перебивали друг друга и не забежали вперед. Такой подход позволял каждому участнику коммуникативного процесса «довести свое рассуждение до конца», причем так, как он сам найдет нужным, «по собственному замыслу» (454 с, здесь и далее пер. С. П. Маркиша). Там же в диалоге «Горгий» Сократ говорил о том, что новые вопросы можно задавать лишь тогда, когда сформулирован ответ на предыдущий вопрос (462 d). Все вопросы, по Сократу, должны помогать последующим обсуждениям, но при этом тот, кто спрашивает, сам не должен говорить долго или сразу задавать несколько вопросов (466 с).

Сократовская стратегия вопрошания актуальна и сейчас. Она, в частности, позволяет участникам коммуникации оставаться верными самим себе, разбирать то, что внешне кажется пустяком. Сократ первым показал значение «ли»-вопросов в проведении строгой и последовательной аргументации, связанной с подготовкой к принятию решений. Сам Сократ в «Горгии» сформулировал это следующим образом: «Я буду спрашивать, а ты, когда решишь, что я называю верно, подтвердишь, когда неверно – ответишь “нет”» (501 d).

Фактически Сократ демонстрирует работу внутри вопросно-ответных процедур (ВОП), и основная цель которых как раз и заключается в том, чтобы в итоге принять правильное решение, адекватное ситуации, причем при

помощи определенного алгоритма. Значит, сократовская методика подготовки решений как раз и связана с разработкой этих алгоритмов, позволяющих привести собеседников (при помощи процедур ВОП и концептуализации) к необходимым с его точки зрения решениям. Анализ этих алгоритмов с учетом контекстов, внутри которых они разворачиваются, в этом смысле с использованием возможностей неформальной аналитики текста,² позволяет понять, каким образом происходит процесс управления мыслительной деятельностью, как своей собственной, так и других.

Сократ в качестве лидера всегда берет на себя инициативу по структурированию беседы. В первых фрагментах диалогов он формулирует местоименные вопросы метауровня, затем снижает уровень вопроса до объектного и изменяет вид вопроса: переходит преимущественно от нериторических местоименных вопросов к последовательности риторических ли-вопросов. Простой подсчет показывает, что в диалогах Платона около 90% процентов вопросов формулируется Сократом в качестве ли-вопросов объектного уровня. Так, вопрос Сократа «Так в каком же искусстве сведущ Горгий и как нам его называть, чтобы не ошибиться? (448c)», оказывается инновационным вопросом метауровня. Но чтобы найти ответ на этот вопрос, чтобы провести своих собеседников к правильному варианту ответа, Сократ выстраивает цепочку ли-вопросов объектного уровня: «...Есть ли у человека благо дороже здоровья? (452b)» и т. д.

В то же время структурно каждый вопрос включает в себя известное (явную предпосылку вопроса) и неизвестное вопроса. Чтобы показать значение исходного базового знания, которое представлено в явной предпосылке вопроса, в частности, в вопросах Сократа достаточно вспомнить то, как Сократ ведет за собой Теэтета, показывая ему значение исходного базового знания для принятия решения о том, что такое знание, чем оно отличается от мнения, какие есть точки зрения по этому поводу в существующих философских размышлениях.

В этом контексте особенно важным оказывается умение правильно соотносить между собой вопрос и ответ. Эта идея проводится Сократом во многих диалогах.

Так, центральный вопрос «Теэтета» «что, по-твоему, есть знание?» (146c) в конечном счете, оборачивается, благодаря целенаправленной деятельности Сократа по формулировке и уточнению вопросов, к анализу не только

---

² Именно в этом контексте ведется исследование при поддержке РФФИ, проект «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход», № 17-03-00772.

когнитивных проблем, связанных с понимаем особенностей мнения, его соотношения со знанием, но и к вопросам государственного устройства, вопросам оценки сложившихся форм государственного устройства.

Древнегреческий полис отличался высокой степенью социальной интеграции, в нем одновременно присутствовали разные формы общественной мотивации и развитые формы политической инфраструктуры, и Сократ прекрасно понимал социальный контекст когнитивной деятельности, влекущей за собой необходимость конструировать позиции с учетом возможности представления их с точки зрения общезначимости.

Все это объясняет тот факт, почему исходный вопрос о том, что такое знание, в «Теэтете» в конечном счете оборачивается к нам, используя современную терминологию, в качестве серии вопросов о принятии решений по поводу организации государственного управления и по поводу нашей оценки сложившейся системы государственного управления. Использование инструментария неформальной аналитики, неформальной логики (см. подробнее Грифцова 2013) как раз и позволяет выявить все эти особенности структурирования диалогов Платона и понять, почему поиск ответов на вопросы о предмете философии, особенностей организации судопроизводства, соотношении добра и зла, справедливого и несправедливого, особенностей движения, об отличии движения от покоя, проблемы бытия и небытия, другие вопросы вплетены Сократом в контексты организации системы управления в различных полисах.

В «Теэтете» Сократу важно продемонстрировать его собеседникам, явным (Евклид, Терпсион, Феодор и Теэтет) и воображаемым (Протагор), что сначала необходимо различить вопрос о том, что такое знание и уж затем обсуждать вопрос о том, какое оно бывает. Вот как это представлено непосредственно в диалоге:

СОКРАТ. А ведь вопрос был не в том, о чем бывает знание или сколько бывает знаний. Ведь мы задались этим вопросом не с тем, чтобы пересчитать их, но чтобы узнать, что такое знание само по себе. Или я говорю пустое? (146е, здесь и далее пер. Т. В. Васильевой).

При этом Сократ фактически последовательно проводит мысль о том, как надо работать с понятиями, говорит о том, что впоследствии в классической логике будет названо ошибкой тавтологии в определении. Описание этой ошибки в «Теэтете» выглядит следующим образом:

СОКРАТ. Взгляни же еще вот на что. Если бы кто-то и спросил нас о самом простом и обыденном, например о глине – что это такое, а мы бы ответили ему, что глина – это глина у горшечников, и глина у печников, и глина у кирпичников, – разве не было бы это смешно? ТЕЭТЕТ. Пожалуй, да. СОКРАТ. И прежде всего потому, что мы

стали бы полагать, будто задавший вопрос что-то поймет из нашего ответа: «Глина – это глина» (147b).

Фактически Сократ формулирует идею запрещения круга в определении и предлагает правильно построенное определение глины. На языке Сократа это выглядит следующим образом:

Там, где можно ответить просто и коротко, проделывается бесконечный путь. Например, на вопрос о глине можно просто и прямо сказать, что глина – увлажненная водой земля, а уж у кого в руках находится глина – это оставить в покое (147c).

То же самое происходит и при поиске ответа на вопрос о том, что такое знание. Вместо ответа на этот вопрос Теэтет отвечает на вопрос о том, какие бывают виды знания. В силу этого Сократ и выстраивает свою систему аргументации, базирующуюся на вопросно-ответных процедурах. Сократ как человек, который (как утверждает он сам) не рождает новое знание, продумывает стратегию того, как через систему ВОП принять правильное решение по поводу того, что такое знание, как отличить его от мнения.

В рамках этого же поиска Сократ активно использует и аналогии как пример либо использования возможности переноса способов решения задач из области в область, либо запрета такого переноса при принятии решения об управлении полисом. Очень четко такая мысль проводится Сократом в критике Перикла в диалоге «Горгий» (516d–e, 519b) и особенно, в диалоге «Государство», где Платон выделяет четыре добродетели идеально управляемого государства:

Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо. – Ясно... То государство, которое мы разбирали, кажется мне действительно мудрым – ведь в нем осуществляются здравые решения, не так ли? – Да. (*Государство* 428b, здесь и далее пер. А. Н. Егунова).

Далее Платон спрашивает:

Есть ли в только что основанном нами государстве у кого-либо из граждан какое-нибудь такое знание, что с его помощью можно решать не мелкие, а общегосударственные вопросы, наилучшим образом руководя внутренними и внешними отношениями? – Да, есть. – Какое же и у кого? – Это искусство быть всегда на страже: им обладают те правители, которых мы недавно назвали совершенными стражами. – Раз есть такое знание, то, что ты скажешь о нашем государстве? – В нем осуществляются здравые решения, и оно отличается подлинной мудростью (*Государство* 428d).

К сожалению, Платон не пишет, что такое здоровое решение или какие решения можно отнести к категории здоровых. Но из контекста видно, в иде-

альном государстве должны приниматься мудрые решения. В данном случае для нас не столь важно, что сам Платон не определяет то, что должно отличать мудрые решения от других. В данном случае для нас важен тот факт, что проблемы принятия решений формулируются в фундаменте формирования философской мысли. При этом мы исходим из того, что решения, принимаемые людьми, как правило, основываются на определенной модели рациональной деятельности. Может ли человек сделать точный рациональный выбор или же он может только приближаться к нему? При этом мы понимаем, что сразу же возникают важные философские вопросы: какое поведение считать рациональным, что служит критерием рациональности?

В этом контексте представляют интерес взгляды Аристотеля на процесс принятия решений, о котором он, в частности, рассуждает «Никомаховой этике». Отметим при этом, что используемые Аристотелем понятия требуют специального уточнения.³

В Книге третьей «Никомаховой этики» Аристотель рассматривает проблемы принятия решений в контексте различения, с одной стороны, произвольных и произвольных поступков, с другой – среди произвольных поступков выделяя те, что сопровождаются сознательным выбором. Забегая вперед, скажем, что понятия сознательного выбора (*pro-hairesis*) и принятия решения Аристотелем рассматриваются в тесной связи, но не отождествляются.

Аристотель пишет, что именно сознательный выбор, характеризующийся преднамеренностью, позволяет больше всего судить о нравах. Он, сознательный выбор, отличается и от внезапного поступка, и от влечения, и от желания: «...если влечение и яростный порыв – общее [свойство рассуждающего и нерассуждающего], то выбор, напротив, ничему, что не рассуждает, не свойствен» (1161a–15, здесь и далее пер. Н. В. Брагинской).

Второй важной характеристикой сознательного выбора является, по Аристотелю, то, что он не бывает связан с невозможным, ему подлежат только те вещи, которые принимающий решение человек считает от себя зависящими: «В целом выбор, похоже, обращен на то, что зависит от нас» (1163a). Отличает Аристотель выбор и от мнения: «поэтому, вероятно, никто вообще не говорит, что сознательный выбор тождествен мнению и даже что он тождествен определенному мнению. ...Кроме того, сознательный выбор хвалят, скорее, за то, что [выбрано] должное, то есть за верность, мнение же [одобряют] за истинность» (112a). Отличив таким образом сознательный выбор от многих других вещей, Аристотель задается вопросом «Если ничто из названного [выше] не есть сознательный выбор, то что же

³ Как отмечает Е. В. Орлов, образующийся от глагола *bouleuo* термин *bouleutikon* означает как «совещаться», так и «принимать решение» (Орлов 2011, 62–63).

он тогда такое и каков он?» (112a15). И здесь Аристотель уже непосредственно вводит понятия решения: «Тогда это, наверное, то, о чем заранее принято решение? Ведь сознательный выбор [сопряжен] с рассуждением и размышлением. На это, кажется, указывает и само название: pro-haireton – “нечто, избранное перед другими вещами”» (112a15). Следующий вопрос, который ставит Аристотель, исследуя, что такое решение, касается того, «обо всём ли принимается решение (bouleuontai), и всё ли предмет решения (bouleton), или же для некоторых [вещей] решение (boule) невозможно?» (112a20). И отвечая на эти вопросы, он опять обращается к определяющей роли рассуждения: «Предметом решения, вероятно, следует называть не то, о чем может принять решения какой-нибудь глупец или безумец, но то, о чем его принимает разумный человек» (112a20). О чем же люди принимают решения, с точки зрения Аристотеля? «А принимаем мы решения о том, что зависит от нас и осуществляется в поступках... Решения бывают о том, что происходит, как правило, определенным образом, но чей исход не ясен и в чем заключена [некоторая] неопределенность» (112b).

«Принимая решение, занимаются как бы поисками и анализом...» (112b20). Однако не всякое исследование, анализ направлены на принятие решения. Но разве не наличие неопределенности, недостаточного знания заставляет нас осуществлять интеллектуальную деятельность, ведущую к принятию решения?

Завершая, обратим внимание на то, как Аристотель трактует вопрос о соотношении выбора и принятия решения. Для него в некотором роде решение первично:

Предмет решения и предмет выбора одно и то же, только предмет выбора уже заранее строго определен, ибо сознательно выбирают то, что одобрено по принятию решения, потому что всякий тогда прекращает поиски того, как ему поступить, когда возвел источник [поступка] к себе самому, а в себе самом – к ведущей части души, ибо она и совершает сознательный выбор (113a5).

Важно также отметить, что у Аристотеля речь идет не просто о принятии решения, но о принятии доброго решения, поскольку человек может принимать и злые решения. Поэтому не случайно Аристотель дважды оценивает решение на правильность:

...если цель достигнута, принятое решение было правильным; если достижение цели принесло благо, то решение было добрым, и правильность его была правильностью доброго решения; если же достижение цели принесло зло, то решение было правильным в первом смысле, но неправильным во втором смысле (Орлов 2011, 82).

Возможны и другие варианты правильности:

Цель может быть достигнута (получается, что решение правильное), достижение цели может принести благо (получается правильность доброго решения), но достижение цели может оказаться случайным, ибо практический силлогизм, на основании которого достигалась бы цель, был ложным. В этом случае речь идет о правильности силлогизма (со-расчета), лежащего в основе практического осуществления цели. Расчетливость играет свою роль при любом принятии решения, добром или злом, правильном или неправильном. Расчетливость у Аристотеля нравственно нейтральна. А поскольку речь у Аристотеля идет не только о нравственности, но и об экономической выгоде, и о политической целосообразности, то правильнее сказать – аксиологически нейтральна. Аксиологически «нагружена» у Аристотеля рассудительность. Рассудительный человек принимает не просто решения, а добрые решения (Там же).

Вне зависимости от пространства (исторического места пребывания) и времени (эпохи) человек всегда вынужден был принимать решения, от которых порою зависела как его собственная жизнь и благополучие, так и благополучие его ближайшего окружения и общества в целом. Обсуждение этих проблем с соответствующей терминологией пронизывает многие диалоги Платона и целый ряд работ Аристотеля. В последующей истории философской мысли традиции анализа проблем принятия решений были продолжены. Мы хотели бы подчеркнуть, что философия в рассмотрении этих проблем выполняет интегрирующую функцию: с одной стороны, объединяя подходы различных дисциплин, а с другой, формируя понятия и категории, которые могут обеспечить выход за рамки узко дисциплинарных способов понимания и осмысления изучаемых явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Величковский, Б. М., Капица, М. С. (1987) «Психологические проблемы изучения интеллекта», *Интеллектуальные процессы и их моделирование*. Москва: Наука, 120–141.
- Гадамер, Х.-Г. (1988) *Истина и метод*. Пер. с нем. Москва.
- Грифцова, И. Н. (2013) «О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии», *Преподаватель XXI век* 3, 251–257.
- Диев, В. С. (2001) *Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция*. Новосибирск.
- Орлов, Е. В. (2011) *Философский язык Аристотеля*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Пойа, Д. (1961) *Как решать задачу*. Москва: Учпедгиз.
- Сорина, Г. В. (2009) *Принятие решений как интеллектуальная деятельность*. Москва.